

Имя эстонского писателя Энна Ветемаа хорошо известно не только в республике, но и далеко за ее пределами: его книги переведены более чем на двадцать языков народов нашей страны, издаются за рубежом. Такие романы Э. Ветемаа, как «Монумент», «Усталость», «Реквием для губной гармоники», пьесы «Ужин на пятых», «Розарий», «Святая Сусанна, или Школа мастеров», раскрывают сложные нравственные проблемы современного человека и семьи. Для творчества писате-

ля характерно пристальное внимание к глобальным вопросам, касающимся путей развития цивилизации. Тонкая авторская ирония выражает отношение художника к изображаемым явлениям жизни.

Выпускнику Таллинской консерватории [Энн Ветемаа закончил также Таллинский политехнический институт] далеко не безразличны вопросы развития и совершенствования культуры в самых разнообразных аспектах ее проявления. Об этом он размышляет в предлагаемой статье.

Собираясь сесть за эти размышления о проблемах культуры, я завалил свой стол всевозможными материалами: бюллетенями, циркулярами, обзорами, даже постановлениями. Получилась внушительная гора — с картинками и без, на форсистой мелованной бумаге и желтевшей газетной... Я с большим тщанием готовился внести и свой вклад в это общее дело. Стол, как говорится, ломился от умных бумаг, а начало все не витанцовывалось: бедное слово «культура» трещит по всем швам, потому что мы столько в него вложили, да еще самого разного... Вот почему я все ходил вокруг этого понятия, по эстонской поговорке, словно кошка вокруг горячей каши.

И все-таки первотолчок был дан.

Ехал я из Москвы в Таллин. Моим соседом по купе оказался мужчина, своим лучшим добродушием напоминавший диккенсовского мистера Пиквика. Он непрестанно взглядывал на свои карманные часы, беспокоясь, вовремя ли отойдет поезд. Мы поехали, и он вполне удовлетворился. А когда вскоре появился проводник, который принес чай и печенье, мой попутчик, казалось, был наверху блаженства. Отхлебнув чаю (алюминиевый подстаканник, между прочим, сочетал в себе верх безвкусицы и практицизма), он раскрыл газету и тут же уснул. Правда, успел-таки сказать что-то вроде: «Культурно живем...» К моему великому удовольствию, спал он тоже вполне «культурно» и храпел совсем не так уж громко...

«Культура», «культурно» — до чего же часто мы используем эти слова!

Я задумался: сколько же мы вещаем в понятие «культура» сегодня, и увидел, что слагаемых стало куда больше; мы говорим о национальных культурах, мировой культуре, культуре быта, коммерческой культуре, культуре труда, элитарной культуре, псевдокультуре — этот список можно продолжать едва ли не до бесконечности. Тогда-то я и решил сначала поточнее сформулировать для себя понятие, о котором собирался писать: стоит ли, право, перегружать таким количеством значений одно слово? Выходящий по расписанию поезд, вовремя купленные газеты и журналы, приятное обслуживание — что же, в годы первых пятилеток, наверное, и такие явления можно было привести к понятию «культура», а теперь? Сомневаюсь. Для точного определения исследуемых веществ химик располагает реактивами, системами единиц измерения. В области культуры, увы, ничего такого нет. Нет миллилитоначарских или микрошейцевых, а между тем современному человеку не хватает подобной шкалы измерения. Но поскольку таковая отсутствует, мы стали с большим уважением относиться к цифрам, и при этом все почему-то убеждены, что цифры всенепременно должны расти.

Если бы я взялся вычертить график, исходя из числа коллективов художественной самодеятельности в Эстонской ССР и количества их участников, то наверняка получил бы кривую, оптимистически устремленную ввысь, примерно то же самое можно сконструировать в библиотечном деле да и во многих других сферах культуры. То есть, безусловно, так оно и было бы — ведь за эту деятельность отвечают чиновники, о работе которых судят именно по этим абстрактным цифрам... Я, разумеется, уверен, что такие цифры не стоит принимать за чистую монету, но это уже тема для отдельного разговора, и сейчас я трогать ее не буду. Я просто выражаю сомнение в разумности цифр, так называемых «показателей» без единиц измерений. Почему? А хотя бы для самозащиты!

Со стыдом признаюсь, что я не вхожу ни в один кругок — ни в музыкальный, ни литературный, ни народного танца, ни даже кулинарный. В таком же положении находится большинство моих знакомых, как ни печально в этом признаваться. Когда-то давным-давно я окончил консерваторию, поэтому смею надеяться, что в каком-нибудь самодеятельном духовом оркестре вполне справился бы с ролью ну, скажем, барабаниста, но — увы! — не хочется. Почему-то мне гораздо больше нравятся по вечерам слушать дома по стереомагнитофону Шостаковича, Моцарта или Малера. В хорошем исполнении. Например, оркестра под управлением Герберта фон Караяна. Но поскольку такое увлечение нигде и никак не выражается, то никто (даже герой одного из моих романов Калев Пилль) не может поставить по этому поводу ни одной «галочки», и по «показателям» я субъект весьма и весьма далекий от культуры. Следует ли из этого, что я против самодетальной музыки? Нисколько. Если после напряженного рабочего дня человеку еще хочется взять в руки трубу или валторну, такой человек заслуживает восхищения. К тому же это и самоотверженный человек, раз он все-таки занимается музыкой в наше время: ведь он в любую минуту может сравнить уровень своего мастерства с профессиональным искусством. В нем должен жить Моцарт, пусть даже с маленькой буквой!

Если я и привел этот пример, то только для того, чтобы защитить пассивных потребителей музыки и чтобы посеять некоторое сомнение: неужели культурный уровень нашего общества всегда должна характеризовать возрастающая массовая принадлежность к чему-то, расщепление, причем любой ценой? Постановка «Гамлета» в захламленной деревне — дело стоящее, но вовсе не обязательное.

Несколько лет я работал литературным консультантом Союза писателей Эстонской ССР. Это означало знакомство как минимум с двумястами авторов. По вечерам любовно и старательно они писали сонеты, а я помогал им по мере сил. В общем-то, даже безнадёжные графоманы — приятные люди, по крайней мере, они сидят в своих мансардах и размышляют, вместо того чтобы бить на улице фонари. Ни-

какого специального учета своих посетителей (кроме заметок в записной книжке) я не вел. Но однажды моими подопечными заинтересовались, так сказать, в официальном порядке — тогда я составил какой-то список. Но от этого никто из них не стал писать культурнее. Графоманы остались графоманами, тех, кто поспособнее, приняли в объединение молодых авторов (где их безотлагательно поставили на учет), некоторые даже попали в Союз писате-

ЧТО СТОИТ ЗА ТЕНЬЮ ОТЧЕТНОЙ ЦИФРЫ

лей, но мой отчет никак не изменил их судьбы. А сколько делается подобных отчетов! Даже теперь, когда мы со справедливым негодованием говорим о таких вот пустых отчетах и составляем отчеты о том, как мы с ними боремся.

Откуда же пошли эти ряды цифр? Неужели когда-то они были необходимы? Думаю, что были. В годы первых пятилеток, в период ликвидации неграмотности, некоторые «показатели» и вправду что-то показывали. Если много людей собиралось в избирательные, если в колхозе было достаточно «культурных» товарищей, которые в обеденный перерыв читали крестьянам центральные газеты, это действительно что-то говорило о данном районе. Исползовать же в век видеомагнитофонов и микрофильмов старые показатели — занятие, лишенное всякого смысла.

Уже упомянутый мной Калев Пилль работал в библиотеке. Я с сочувствием и уважением отношусь к людям, поддерживающим жизнь сельских библиотек. В какой-то мере именно они — «соль земли». Разумеется, нет у них уже того авторитета, как в Эстонии прошлого века, когда крестьянину было затруднительно обзавестись личной библиотекой. Мой Калев Пилль, кстати, особенно горевал из-за того, что плохо растет читаемость общественно-политической литературы. Но из общественно-политических изданий ему нечего было предложить, кроме пустословных, стереотипных брошюр.

Да, мне кажется, что в культурной работе мы чересчур много внимания уделяем чисто внешней, я бы сказал даже, казенной стороне дела. По праздникам вывешиваем все больше лозунгов. Что можно иметь против разумных агитационных лозунгов? Но ведь большинство таких фраз не содержит ничего нового, их информационная ценность близка к нулю. Наши славные рыбаки, увеличивайте улов! Работники морского и речного флота, увеличивайте объемы перевозок! Мельчайшая единица информации — это бит, несущий сообщение о том, что из двух равно вероятных событий (например, «орел» или «решка») произойдет одно. Здесь же абсолютно исключен момент неожиданности: что-то я не замечал призывов работать хуже. А изобразительная сторона подобных призывов далека от хорошего вкуса, все делается по одному шаблону.

Мне кажется, и радиофикация площадей по случаю праздников мы злоупотребляем — наверное, нет сейчас уже такого дома, где не было бы радиоприемника. Зачем обрушивать на людей «Марш энтузиастов» в неимоверных децибелах? Культура шума и культура фасада (опять-таки «культуры») — явления довольно неприятные. Не лучше ли по торжественным случаям хорошенько помыть «лицо» города, нежели наводить такой сомнительный «мейк ап»?

В прошлом году мой знакомый художник в составе научной экспедиции этнографов, языковедов и фольклористов отправился к нашим далеким родственникам — ханты и манси (они относятся к угорским народам). Экспедицию тепло приняли, но, несмотря на добрую волю обеих сторон, возникали такие ситуации, когда местные руководители культуры никак не могли понять желаний гостей. К чему интересоваться грамматикой и даже диалектами крохотных языков? Когда мой знакомый начал перерисовывать старые покрывала, избы-развалюхи, в которых отразилась старинная сельская архитектура, отжившие свой век, но в этнографическом плане чрезвычайно интересные предметы домашнего обихода, назначение которых помнили немногие, растерянность местного руководителя культуры сменилась недовольством. Да ведь это нетипично для их современной жизни! У них вон сколько нового и прекрасного: Дом культуры (построенный по довольно заурядному типовому проекту), новые фермы, механические мастерские и т. д. Местная молодежь одета, как все «нормальные, культурные» люди, даже галстуки носят... Но мой знакомый предпочитает рисовать (да еще по 18 часов в день!) стариков и старух в допотопных одеяниях и не проявляет особого интереса к людям в гораздо более модных нарядах.

Конечно, в итоге цель работы исследователей стала ясна, но для этого местному свето-

чу культуры пришлось предстать перед высоким начальством, которое терпеливо и вежливо разъяснило ему суть дела.

Когда я увидел привезенные эскизы и некоторые этнографические предметы, меня восхитила их своеобразная орнаментика, уникальное искусство вышивки одежды, присущее тем народам. Эти орнаменты и вообще это занятие теперь знают лишь старики, а поскольку в местных магазинах нет нужного материала, то эти тончайшие аппликации делают прямо на пестром ситце! При виде этого у этнографов чуть не слезы на глазах выступали...

Неужели должно пройти еще много времени, прежде чем во всей стране окончательно поймут ценность культурного наследия и перестанут связывать прогресс только с новостройками, стенными газетами, громкоговорителями, которые вытесняют сельскую архитектуру, исторические памятники? Подобное отношение еще можно было понять в эпоху ликвидации неграмотности, но сейчас оно являет собой некую запоздалую детскую болезнь. Отрадно, что положение все-таки меняется, за сохранность старых русских городов (и их названий) борются такие замечательные писатели, как С. Залыгин, В. Распутин, В. Астафьев. Недавно в центральной печати очень убедительно говорил о киргизской культуре Чингиз Айтматов.

Но здесь мы сразу сталкиваемся с новой проблемой. Рассмотрим ее, еще раз обратившись к руководителю культуры хантымансийцев. По-видимому, он прекрасно осведомлен о равенстве культур — во всяком случае особый интерес к одежде участников экспедиции он проявил сразу, считая ее, вероятно, плодом заокеевской культуры. На самом деле это были наши местные рубашки и брюки, но в Прибалтике, как известно, пользуются латинским алфавитом. Он-то и производил прямо-таки магическое действие — куда там шаманским бубнам... И когда кое-кто из наших исследователей культуры охотно отказывался от предметов своего гардероба в обмен на местные, имевшие этнографическую ценность, то обе стороны были удовлетворены чрезвычайно, причем каждая считала, что именно она не в накладе...

Да, эти англоязычные надписи на рубашках, на ветровых стеклах автомобилей никакой прямой опасности собой не представляют, однако ж недвусмысленно указывают на воздействие коммерческой культуры. А в ней-то по большей части и выражаются ограниченность, нивелировка, безвкусица, банальность. И если интерес молодых людей, живущих в далеких, труднодоступных местах, к подобной экзотике еще как-то можно понять, то в крупных культурных центрах явления такого рода выглядят просто нелепо. Недавно на главной улице столицы одной из союзных республик меня ошеломила зрелая дама, от которой веяло строгим достоинством матроны. А надпись золотыми буквами на джемпере, облегавшем ее высокую грудь, призывала: «Make love to me!». Я был сражен. Этот текст был весьма информативен. Татьяна желание любви прекрасно, но вряд ли нужно специально изучать сленг, чтобы знать — сия формулировка намекает на чувства гораздо менее платонические. Возможно, эта дама была отчаянно смелой, если так рекламировала свои воззрения. Честное слово, даже этот вариант мне больше по душе, чем считать ее просто глупой...

Такие явления, конечно, смешны. Я бы очень советовал, имея дело с чем-нибудь иноязычным, на всякий случай, если образования не хватает, заглядывать в словарь. Естественно, что спирчуэл поит по-английски, по-моему, естественно и роли исполнять на том языке, в колыхали которого они зародились, — ведь переводить их так же трудно, как русские частушки. Итальянская опера тоже, как мне кажется, лучше всего звучит на итальянском. Но оставим эти размышления, которые могут увести нас далеко в сторону.

В нашей стране в рекордно короткий срок была ликвидирована неграмотность, но, увы, не всегда этому сопутствовали изменения в образе мышления. Вот и сейчас, перечитывая эти заметки, вижу в них известный штамп: довольно категорично раздаю оценки, призываю искоренить недостатки и, поскольку в моде самкритика, критикую, разумеется, в пределах хорошего тона, и самого себя, хотя бы за то, что не отношусь с должной серьезностью к «важной задаче заполнения вакантных мест исполнителей на ударных инструментах»...

Мы говорим о гласности, о том, что нам крайне необходимы культурные руководители, не подверженные детской болезни мистики цифр. Так-то оно так, но откуда они возьмутся? Может, это будут пришельцы с других планет? Вопрос с визами, пожалуй, можно было бы решить, но вот появятся ли они? Нет, думаю, мы должны справиться сами. А это далеко не всегда доставляет удовлетворение. Утверждает же Ньютон в своем первом законе (известном также под названием «закон инерции»), что всякое тело пребывает в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока действующие на него силы не изменят это состояние.

Между прочим, этот «закон лени» он сформулировал еще в 1687 году!

После XXVII съезда нашей партии все чаще говорится об ускорении. Второй закон Ньютона позволяет достичь ускорения только приложением силы. Раз на пришельцев надежды нет, значит, силы, противодействующие закону инерции, должны возникнуть в нашей собственной среде. Ими должны стать мы сами. И каждый руководитель культуры должен помнить, что если он не будет двигаться в нужном направлении, то ли в силу привычки, то ли от неумения, то движение из-за этого еще не остановится. Но очень легко может сдвинуть с места... его самого!